

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР, Олег ГУБАРЬ
История моей голубятни293

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол298

Михаил ПОЙЗНЕР, Олег ГУБАРЬ

История моей голубятни

Рассказ неизвестного человека, записанный в 1991 году

...Знаете, я живу возле той школы, которая на Петропавловской угол Мастерской. Эта школа была такой "черный ящик", что она переваривала разных клиентов и выдавала на-гора черт знает что. То, понимаете, продукт жизнедеятельности сердца, а то — каких-то совсем других внутренних органов. На нашем хуторе это был как бы общий семейный дом: всё соседски, преподаватели все свои. За килограмм кошерной свинины можно было получить любую оценку. Тому, кто этот килограмм мог обналчить.

Чтоб вы сами увидели эту кинохронику, я расскажу за одного парня и все его кодро. Его звали Вова. Он, я вам отвечаю, типичный нетипичный представитель всей этой хуторской и своей собственной горлохвватской семейки. И вся эта мешпуха обитала ровно в 13-м(!) номере по Петропавловской улице. И фамилия у них была, я вам скажу, Пересыпские. Хотя они пожизненно кантовались на Молдаванке...

Террористы

Сколько помню, заходил к ним в дом и натякался на вернисаж, на фото-выставку, на доску почета или иконостас, как хотите. Все четыре брата Пересыпские пристально разглядывали меня со стены. Один улыбочивый такой, в кителе с орденом Боевого Красного Знамени — он сторел в танке. Остальные трое с фронта вернулись: Вовкин отец, Дима, потом кривой Лёвка, а имени третьего не помню, потому что он скоро куда-то отселился. Так вот, это трио давало такие концерты и довело двор до такого состояния, что когда Пересыпские перебрались на Черемушки, все перекрестились. Включая самых правочерных иудеев.

Левка пришел с войны хромым, устроился каким-то компрессорщиком, передал пару в каком-то котле, и ему вышибло глаз. Но кривой в квадрате, он пользовался на хуторе безусловным уважением, причем сразу по двум причинам. Во-первых, он держал на Мастерской, в 35-м номере, огромную голубятню. А во-вторых, на том же, считай, углу, Ризовской и Колонтаевской, камнем стоял гастроном, где работала продавщицей Левкина жена. Можно было в любой момент и без всяких денег отовариться бутылкой водки, угостить кореша. И все об этом знали.

Левка ходил с палкой, вечно в слегка отороженном состоянии, а все выходящие отирался на Староконном среди голубятников. Самые отпетые из которых — Витя Сопливый, Пава Кашей и Леня Кореец — были Левкины-

ми соратниками, братьями, так сказать, по оружию. И как-то раз на Охотницкую затесалось пару пижонов со Слободки, которые заявили Левке, что по их, значит, агентурным данным, он угнал ихнего мурого, а может, сизаря или заиграя, точно не помню. И они, мол, намерены сегодня же это проверить. Левка отреагировал невозмутимо: "Ну что ж, приходите. Мы гостям всегда рады". Медленным шагом — быстро он не мог — кривой Левка добрел к себе на Мастерскую, поднялся на голубятню, разжег примус, водрузил на примус выварку, подогрел водичку, и первому же показавшемуся на лестнице слободскому ревизору надел эту выварку на голову, получил три года, но акции его в голубятничком мире воспарили на недостижимую даже для николаевских тучерезов высоту. С тех пор, когда бы ни рассуждали за голубей и всякие ихние достоинства, обязательно приходили к тому, что был такой случай, когда кривой Левка, значит, нарядил слободского крестоносцем — оставалось только в выварке сделать прорези для глаз и нацепить белый халат с красным крестом.

Да, Левка был хлопец отчаянный. И таким же отчаянным был его брат Дима, Вовкин отец, работавший сварщиком. А вот Вовка оказался первым инженером во всем роду. Чтоб вы поняли, что это означает, скажу: когда Вова открывал рот, все закрывали. Вернее, не так: когда он говорил, все сидели с открытыми ртами. Его слушали, как программу "Время", как фронтовые сводки Совинформбюро в исполнении Левитана. У Вовки и сестра была, рыжая Людка, вся в очаровательных веснушках. Но она там не котировалась. Потому что не на нее были сделаны ставки и не ее готовили в интеллигенты. Эта Людка недоуменно гляделась в задачник и выдавала речитатив: "Из такой-то трубы вытекает столько-то, а в такую-то втекает столько-то". Вовка выдавал точный ответ, не дожидаясь финала. Людка просила разъяснить, начинала выть. Тогда братец отвинчивал колпачок ручки, втихаря ронял на склоненную рыжую головку ровно две капли чернил и тотчас же в ужасе восклицал: "Люда! Что это у тебя в прическе?!". Бедняжка хваталась за башку, начинала размазывать чернила пополам со слезами, прибегала мать, будущего инженера бить было непедагогично, и получала рыжая.

А вообще-то он сестру любил, и голова у Вовки была светлая, хотя и не рыжая. Ох, какая светлая... Он мог с одинаковым успехом дать кому угодно оторваться, шутя решить любую задачу по сопромату, сыграть где-нибудь на Ланжероне в футбол "на пиво", начертить замысловатый чертеж, спеть любую песню под гитару, выпить пивной бокал водки... Пивной бокал, да. Это у них по наследству передавалось, за неимением ничего другого. Батя его, значит, когда газ давал, так меня журил вместо здрасте: "Ты что ж это, чи-

жик, так жидко обосрался...". Он произносил "чи-жик" в два приема, со смягченным молдаванским "жь".

Когда вся эта братва только что выбралась на "массив", я туда нагрязнул, думал, им там тоскливо, одиноко. В парадной встретил Вовкину маму, увешанную авоськами, взялся ей помочь. А дом был вузовский и только сдавался, всюду бродили шабашники (те самые, которые сами же и построили это безобразия). Кругом же одни интеллигенты, у которых руки не из того места растут и не в ту сторону стоят. Вот и начали с этих неприспособленных "бабки" качать, чтоб им крутки подкручивать и винтики подвинчивать. И наткнулись на квартиру Пересыпских: не ведали же, что там поселились соловьи-разбойники. Барабанят в дверь, а Дима их и спрашивает: "Вы в такой-то квартире были?" — "Были!" — "С вами рассчитались?" — "Да!" — "А в такой-то?" — "Были. Взяли". — "У всех взяли?" — "У всех!" — "Хорошо, — говорит, — а теперь идите и верните всем назад, а потом доложите мне!". Когда мы поднялись на лестничную клетку со всеми клумаками, Вова с папашей методично и так беззлобно дубасили водопроводчика, прижав его к стене. Мать даже не приостановилась: "Идем, — говорит, — они разберутся скоропостижно: видят же, что мы пришли..."

ВЕНДЕТТА ПО-МОЛДАВАНСКИ

Вова часто конфликтовал с кривым Левкой, потому что у них, вы понимаете, была маленькая разница потенциалов. Один был орел и другой был орел, а не мокрая какая-нибудь курица. Обозленный Левка то и дело бубнил что-то вроде: "Ты чего? Ты думаешь, что ты инженер, так ты уже о-го-го... Да ты дерьмо, ты сякой, ты такой...". Для него ИНЖЕНЕР — это было... просто оскорбление. Вы понимаете, у них в СЕМЬЕ такое несчастье, такой выродок. Не голубятник. Не картежник. Не алкаш. Не компрессорщик даже. А, понимаете, ИНЖЕНЕР... Вовка же слушал, слушал эту галиматью, а после спокойно так, врасстяжку изрекал: "Ну чего, спрашивается, стоят все твои оскорбления и, я не побоюсь этого слова, инсинуации, по сравнению с тем, что меня называют ЛЕВКИН ПЛЕМЯННИК?..".

Но дальше случилось такое, что надо увидеть их отношения совсем с другой стороны Луны. Как-то летом Вовка поехал отдыхать в профилакторий в Люстдорф, завелся там с местной шпаной и с позором бежал под покровом ночи в город. Я ему говорю: "На кой тебе сдался санаторий, плюнь". А он: "Ты что?! Мне надо там доотдыхать еще 10 дней, это ж бесплатная путевка!" — "Делай тогда, — говорю, — что хочешь. Пойди заяви в милицию". "В какую милицию, — он мне, — я пойду, с папой посоветуюсь".

Собрался семейный совет. Папа, значит, Левка и Вова. Дима подвел итог: "Я пойду жаловаться в милицию???". Втроем они сели на 5-й трамвай, доехали до вокзала, пересели на 29-й, который неторопливо покати́л их в Черноморку. Левка смотрел в окно единственным выпученным глазом и злобно постукивал палкой, мысленно возвращаясь к запертой голубятне. Дима мирно подремывал на плече сына, а тот как-то сосредоточенно разглядывал свои большие натруженные ладони. На кольце, возле пивного ларька-бочки, трамвай немного притормозил, и наши, значит, командос, встрепенулись, а Вова, смутно вглядываясь в толпу, заметил вслух, что, как ему кажется, признает одного из тех, которые ему угрожали.

Хромоногий Левка десантировался прямо на ходу и ринулся в толпу. Ключка, на которую он опирался, голубем вспорхнула над волнообразно колышущимися головами и утонула в них. Когда подросли Вова с Димой, на земле лежал человек, в руках которого сверкала недопитая пивная кружка. Тем временем Левка провозглашал в виду изумленных граждан, что это будет несчастье "этого кадра" (он театрально указал на распростертое тело), если он к вечеру оклемается. Потому что вечером Пересыпские явятся сно-ва и добьют, и тогда придется умирать дважды.

Не знаю, кто что увидел и услышал в этой тираде, но только Вова доотдыхал таки безвозмездно, то есть даром, свои 10 дней, которые потрясли мир, и с победой вернулся в город. С тем, чтобы продолжить выяснение отношений с Левкой.

Другие берега

Вовка погиб в пассажирском самолете Москва-Одесса, каковой лайнер так толком и не сумел воспарить над воздушными воротами гостеприимной "столицы нашей Родины". Это печальная история. Особенно если учесть, что все голуби улетели. После того, как Левка уехал. Дима тоже сдал все свои боевые ордена и оставил союз нерушимый республик свободных. Сколько... Уже 12 лет прошло, я один туда прихожу, на могилу. 25 июля, когда Вовка, значит, родился, и 17 марта — когда погиб. Прихожу туда, значит. Постою. Посмотрю...

И вот, дал Бог, приехал я в тот самый Нью-Йорк. По гостевому. Но в другие гости, а их адреса не знаю. Взял телефонную книгу. Подумал, наверное, в Бруклине живут. И фамилия — Пересыпские, нечастая ведь фамилия. И точно. С первого звонка на Вовкину дочку напоролся. Ну, дала номер бабушки-бабушки. Они обрадовались страшно, пригласили. Я пришел. Знаете, я ведь непьющий. А тут налился — в каждом углу его портрет...

Вспомнил! С этого надо было начать! В жизни этой семьи было две гордости: сын-инженер и еще то, что в их роду не было ни одного неоедессита. К слову, поехал как-то Вова на преддипломную практику в Ачинск и вдруг надумал там жениться. Дима тогда ко мне с письмом примчался: "Что ж, он решил замарать фамилию?". Я ему этот эпизод в Нью-Йорке напомнил. А он так усмехнулся горько: "А что, — говорит, — английского языка не знаю. Он мне просто не нужен. Потому что я тут не живу. Я нахожусь".

И, значит, мы, когда уже вышли, вышли на улицу. Морось какая-то, тускло все. И меня пробило: "А где Левка?" Дима говорит: "Он здесь недалеко живет". Я спешил, потому что жил не в гостинице и не на свои кровные, но само собой получилось, что сказал: "Дядя Дима, давайте к нему зайдем. Я ж себя потом всю жизнь проклинать буду, что не повидал". Мы прошли между домами по каким-то замысловатым коленам. Нас никто не ждал. У Левки был инсульт, руки-ноги не слушались, но говорить он мог. Дима сказал: "Ты видишь, кого я к тебе привел". И все такое. Левкина жена — та, что на Ризовской угол Колонтаевской в гастрономе заправляла, — выскочила, выпрыгнула, словно из-за прилавка. А я в таком состоянии был надтреснутым, что хотел с ним за наш хутор поговорить, а эта бандерша вклинивается со своим дешевым бытом: "Там бьют евреев?.. Почем у вас повидло?.." и такое прочее. А я Левке: "Ничего, — говорю, — у вас же тут самочувствие в общем нормальное". А он: "Что ты говоришь, я у нас бы давно уже загнулся с такой болячкой". У НАС, понимаете?

Ну, я его так обнял, говорю: "Ну, как вы тут живете, не жалеете, что уехали". Он молчит. "А помните за голубятню в 35-м номере", — я ему говорю. Он говорит: "Да, да, конечно, помню... Такие голуби...". А я смотрю, у него, значит, по щекам слезы бегут, понимаете. И он не может их смахнуть. И хочет продолжать, и стыдно ему говорить навзрыд. Вы понимаете, он хотел говорить со мной на эту тему, а нам не давали...

Помню, идем, бывало, с Вовкой с футбола в спортивных штанах, а на Петропавловской, против 13-го номера, сидит у столба подслеповатая вредная баба Киля с семечками. Вова зачерпывает горсть из торбы и вспоминает: шаровары без карманов, денег с собой нет. И семечки назад вроде не положишь. Он мне кричит: "Шурка, плати!". А сам степенно удаляется. Так ведь и я в том же наряде, без копейки. А баба Киля шипит ему вслед: "Ух ты, жлоб пересыпский!". Вова с достоинством поворачивается: "Да? А откуда вы знаете мою фамилию?"

Вот такие у нас голуби были...